

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

**Прагматический диапазон не прямой вербальной агрессии в английском
диалоге**

основная образовательная программа бакалавриата по направлению
подготовки 45.03.02 «Лингвистика»

Исполнитель:

Обучающийся 4 курса
Образовательной программы
«Теория перевода и межкультурная коммуникация»
Профиль «Английский язык»

очной формы обучения
Ситриванова Екатерина Олеговна

Научный руководитель:
к.ф.н., доц. Кондрашова В.Н.

Рецензент:
д.ф.н., проф. Пospelова А.Г.

Санкт-Петербург
2018

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Диалог с точки зрения прагматики и лингвистической конфликтологии	6
1.1. Лингвопрагматический подход к речевому общению	6
1.1.1 Речевое общение и его основные параметры.....	6
1.1.2 Прямая и непрямая коммуникация	8
1.2. Личностные аспекты коммуникации.....	12
1.2.1 Понятие языковой и речевой личности	12
1.2.2 Влияние личности на коммуникацию	15
1.3 Конфликтное речевое общение	20
1.3.1 Виды речевой агрессии	20
1.3.2 Способы выражения не прямой речевой агрессии в английском диалоге	23
Выводы по главе 1	25
Глава 2. Специфика взаимосвязи лингвоперсонологических факторов и проявления не прямой речевой агрессии в английском диалоге	27
2.1 Колкость как субжанр не прямой речевой агрессии.....	27
2.1.1 Влияние факторов социального статуса и гендера на реализацию тактики колкости.....	27
2.1.2 Влияние факторов возраста и социально-психологической дистанции на реализацию тактики колкости	30
2.2 Насмешка как субжанр не прямой речевой агрессии	31
2.2.1 Влияние факторов социального статуса и гендера на реализацию тактики насмешки	31

2.2.2 Влияние факторов возраста и социально-психологической дистанции на реализацию тактики насмешки.....	35
2.3 Угроза как субжанр не прямой речевой агрессии	35
2.3.1 Влияние факторов социального статуса и гендера на реализацию тактики угрозы	35
2.3.2 Влияние факторов возраста и социально-психологической дистанции на реализацию тактики угрозы	38
2.4 Упрёк как субжанр не прямой речевой агрессии	39
2.4.1 Влияние факторов социального статуса и гендера на реализацию тактики упрёка.....	39
2.4.2 Влияние факторов возраста и социально-психологической дистанции на реализацию тактики упрёка	42
2.5 Дружеское подшучивание как субжанр не прямой речевой агрессии	43
2.5.1 Влияние факторов социального статуса и гендера на реализацию тактики дружеского подшучивания	43
2.5.2 Влияние факторов возраста и социально-психологической дистанции на реализацию тактики дружеского подшучивания.....	44
Выводы по главе 2	46
Заключение	48
Литература	49
Словари	54
Список сокращения источников.....	55

Введение

Коммуникация является неотъемлемой частью человеческой культуры, её фундаментом. Развитие лингвистики на современном этапе характеризуется антропоцентричным подходом к изучению языковых явлений. Современных исследователей интересует не только кооперативное, но и конфликтное речевое общение, а также вопрос влияния личности на процесс коммуникации.

Изучением вышеназванных проблем обусловлена **актуальность** настоящего исследования.

Данное исследование посвящено изучению влияния личности коммуниканта на проявление не прямой речевой агрессии в английском диалоге.

Объектом исследования являются способы выражения не прямой речевой агрессии.

Предметом исследования являются высказывания, выражающие не прямую речевую агрессию в англоязычной речи.

Научная новизна работы заключается в том, что, насколько нам известно, не прямая речевая агрессия с точки зрения лингвоперсонологии ещё не была предметом исследования.

Целью исследования является выявление специфики выражения не прямой речевой агрессии в английском диалоге в зависимости от лингвоперсонологических факторов.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) Дать классификацию способов проявления не прямой речевой агрессии.
- 2) Выявить влияние личности коммуниканта на выбор тактик не прямой вербальной агрессии.
- 3) Проанализировать языковые средства, используемые для выражения не прямой речевой агрессии, опираясь на лингвоперсонологические факторы коммуниканта.
- 4) Определить влияние социально-психологической дистанции на выбор

тактик не прямой вербальной агрессии.

Теоретическую базу исследования составили труды известных отечественных и зарубежных учёных, таких как Н.И. Формановская, К.Ф. Седов, И.Б. Лазебная, В.И. Карасик, Е.В. Сидоров, Ю.В. Щербинина, В.Н. Кондрашова, А.Г. Поспелова, Fish K., Rothermich K., Pell M.D и др.

Материалом исследования послужили произведения англоязычной художественной литературы XXI века общим объёмом около 1212 страниц и скрипты сериалов, фильмов и видеоигр. Методом сплошной выборки было собрано и проанализировано 100 микродиалогов.

В ходе проведённого исследования применялись следующие научные **методы**: метод функционально-прагматического анализа и описательный метод.

Структура работы. Работа состоит из введения, теоретической главы, исследовательской главы, выводов, заключения, списка используемой литературы, списка словарей и списка сокращения источников.

Глава 1. Диалог с точки зрения прагматики и лингвистической конфликтологии

1.1. Лингвопрагматический подход к речевому общению

1.1.1 Речевое общение и его основные параметры

Человек, будучи существом социальным, не может жить вне речи. Коммуникативное взаимодействие людей друг с другом позволяет организовать социум, в котором человек живёт и развивается, «соотнося своё поведение с поведением других членов общества, а также поведение других со своим собственным (Сидоров 2010: 7). Одним из феноменов, порождаемых интеракцией, т.е. коммуникативным процессом, является речевое общение. Существует множество подходов к изучению речевой коммуникации, она является объектом исследования таких наук, как функциональная стилистика, культура речи, риторика, прагмалингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, паралингвистика, социолингвистика и др. Определённый интерес представляет рассмотрение речевой коммуникации с междисциплинарной точки зрения, так как такой подход является наиболее объективным и не ограничен какими-либо частнонаучными традициями. В рамках междисциплинарного подхода можно выделить две неотъемлемые характеристики речевой коммуникации: во-первых, суть речевой коммуникации заключается в её интерактивности, во-вторых, вступление коммуниканта в речевой акт изначально подразумевает намерение предложить своему собеседнику знаковую программу действий, побудить его к определённому поведению (Сидоров 2010: 8-9).

В связи с нашим исследованием нас в основном интересует то, с каких позиций речевое общение рассматривается в рамках прагмалингвистики. Прагмалингвистика сосредотачивается на отношении коммуниканта к языковым единицам, используемым им в речи, выбор которых зависит от поставленных им коммуникативных и внекоммуникативных целей

(Формановская 2002: 11).

Речевое общение – комплексное и многогранное понятие. Достаточно сложно дать однородную классификацию видов речевого общения, поэтому мы находим целесообразным представить здесь классификацию Н.И. Формановской (Формановская 2007), которая составлена по разным основаниям и представляет собой компиляцию основных видов речевого общения. Она достаточно подробная, поэтому мы ограничимся перечислением тех видов речевой коммуникации, которые представляют интерес для нашего исследования:

- 1) межличностное – публичное – массовое общение (с точки зрения количества участников);
- 2) кооперативное – конфликтное общение (с точки зрения личностных отношений и оценок при соблюдении или нарушении социального равновесия и прагматических постулатов);
- 3) информативное – фатическое общение (по характеру передаваемого содержания);

Говоря о речевом общении, уместно будет рассмотреть такой его фактор, как коммуникативная ситуация. Коммуникативная ситуация – это «сложный комплекс внешних условий общения и внутренних состояний общающихся, представленных в речевом произведении, направляемом адресату» (Формановская 2007: 56). Иными словами, это определённая сумма условий и обстоятельств, необходимая для интеракции между собеседниками; она характеризует контекст общения в целом, его стимулы, участников и т.д.

Структура коммуникативной ситуации трактуется разными учёными по-разному. В.Г. Гак, например, выделяет следующие компоненты коммуникативной ситуации:

- говорящий и его адресат
- пресуппозиции как фонд общих предварительных знаний
- коммуникативные интенции и цели общения
- место, время, обстоятельства действительности

- отношения между коммуникантами
- социально-статусные характеристики коммуникантов (Гак 1973).

Одной из наиболее полных обзорных работ по видам структуры коммуникативной ситуации можно назвать публикацию Г.Г. Почепцова, в которой он рассматривает больше тридцати моделей коммуникации (Почепцов 2001). Не будем останавливаться на каждой модели подробно, лишь выделим важные для нашего исследования компоненты ситуации общения.

В фокусе нашего исследования оказываются такие компоненты коммуникативной ситуации, как партнёры по общению, т.е. адресант и адресат, отношения между ними, их социально-статусные характеристики, а также коммуникативные цели и намерения.

У адресанта в качестве стимула выступает мотив как побудительная причина и цель как стремление к достижению результата сообщения; здесь находится область коммуникативных замыслов, намерений, речевых интенций говорящего. Этот «деятельностный момент коммуникативной позиции» адресанта дополняется активной позицией адресата, «принимающего и декодирующего интенциональный смысл сообщения в соответствии с собственными знаниями, мнениями, установками, предпочтениями, оценками» (Формановская 2007: 58). Понятия адресанта и адресата отсылают нас к понятию языковой личности и её ролей.

1.1.2 Прямая и непрямая коммуникация

Сначала необходимо разграничить понятия прямой и непрямой коммуникации. О прямой коммуникации речь может идти тогда, когда план содержания высказывания, выражаемый значениями компонентов этого высказывания, тождествен общему коммуникативному замыслу (Дементьев 2006: 7). По определению В. В. Дементьева, непрямая коммуникация – это «содержательно осложнённая коммуникация, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся собственно в

высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» (Дементьев 2000: 3). Основными показателями не прямой коммуникации являются косвенный способ передаваемой информации, наличие смысловых лакун, непредсказуемость реакций и интенциональность слов говорящего (Паремузашвили 2013).

В процессе коммуникации говорящие производят определённое речевое воздействие друг на друга. Выделяют три разновидности не прямой коммуникации: не прямое общение, не прямое сообщение и непосредственно само не прямое воздействие (Дементьев 2006: 182). Например, косвенная речевая агрессия, являющаяся объектом нашего исследования, относится как раз к третьей разновидности.

Минимальной единицей не прямого, или косвенного, речевого воздействия является косвенный речевой акт. Прежде чем переходить к понятию косвенного речевого акта, необходимого для нашего исследования, нам представляется целесообразным сначала ввести понятие речевого акта.

Так называемая теория речевых актов представляет собой ядро прагматической лингвистики. Согласно Д. Остину и Дж. Сёрлю, основоположникам этой теории, речевой акт – это минимальная единица языкового общения, производство высказывания говорящим с определённой целью. Структура речевого акта представляет собой три фазы: локуция, иллокуция и перлокуция. Чтобы разграничить понятия прямого и косвенного речевого акта, рассмотрим подробнее фазу иллокуции. Иллокуция – это осуществление коммуникативного намерения говорящего совершить нечто с помощью речи, т.е. его интенции (Сёрль 1986).

Особый интерес для нас представляет точка зрения уже упомянутого нами ранее учёного Т.А. ван Дейка, который рассматривает речевые акты в качестве фреймов, т.е. структурных звеньев (или, если использовать термин самого ван Дейка, ситуационных моделей). По его мнению, в их основе лежат не абстрактные знания о стереотипных событиях, а личностные знания коммуникантов, аккумулирующие предшествующий индивидуальный опыт,

установки и намерения, чувства и эмоции (Van Dejk 1997). Мы видим, что подход Т.А. ван Дейка отличается тем, что фокусируется в первую очередь на лингвоперсонологическом факторе коммуникативной ситуации.

Теперь обратимся непосредственно к понятиям прямого и косвенного речевого акта. Понятия прямого и косвенного речевого акта впервые разграничил Дж. Сёрль, чем положил начало изучению в лингвистике косвенных речевых актов. Прямой речевой акт – это производство и произнесение такого высказывания, в котором однозначно выражается его иллокутивная сила / интенциональное значение, т.е. форма высказывания полностью соответствует его содержанию (Сёрль 1986). Когда же форма высказывания, которая выражается в синтаксическом, графическом и отчасти просодическом оформлении, расходится с коммуникативной направленностью, такое высказывание называется косвенным речевым актом (Поспелова 1988: 141-153). Косвенные речевые акты «проявляются как рассогласование между значением и смыслом высказывания, между выраженным и подразумеваемым содержанием, между собственным и контекстуально обусловленным (ситуативно обусловленным) значением» (Карасик, 2002: 121).

При употреблении косвенного речевого акта говорящий рассчитывает на понимание слушающего за счёт опоры последнего на фоновые знания, пресуппозиции и конвенции (негласные правила, принятые в данном сообществе).

Отметим, что в разных коммуникативных культурах соотношение прямой и непрямой коммуникации будет отличаться. Например, в рамках английского коммуникативного стиля косвенность является одной из основополагающих черт межличностной коммуникации (Стернин, Ларина, Стернина 2003: 169).

Исходя из вышесказанного, косвенные речевые акты делятся на конвенциональные и неконвенциональные. Основателем конвенционального подхода к использованию косвенных речевых актов является Дж. Сёрль. Согласно учёному, определённые формы становятся стандартными

идиоматическими формами для косвенных речевых актов. Сохраняя своё буквальное значение, они используются косвенно, например, вежливые формы для вопросов (Сёрль 1986).

Мнения лингвистов по данному вопросу разделились: одни считали, что конвенциональные косвенные речевые акты необходимо исключить из числа косвенных высказываний, другие же придерживались мнения, что к косвенным речевым актам не могут относиться высказывания, для понимания которых необходим контекст. Первую точку зрения разделял, например, голландский лингвист Х. Хаверкате, аргументируя своё мнение тем, что в конвенциональных косвенных речевых актах пропозициональная часть называет действие, ожидаемое от адресата, в связи с чем данные высказывания мало чем отличаются от соответствующих им прямых высказываний (Haverkate 1979). Вторую точку зрения поддерживал Дж. Грин, который называл подобные речевые акты «намёками» и утверждал, что нельзя относить явления к одному классу, если они оказывают одно и то же воздействие (Green 1975: 130).

В рамках нашего исследования рассматриваются в основном неконвенциональные косвенные речевые акты, и мы относим их к косвенным речевым актам, как и конвенциональные, так как берём за основу определение косвенного речевого акта как речевого акта, иллокутивная сила которого не выражена однозначно.

Косвенные речевые акты могут подразумевать различные интенциональные значения: повышенная вежливость, намёк, ирония, речевые манипуляции и др. (Формановская 2002: 119). Эти приёмы интересуют нас настолько, насколько они способствуют выражению в речевом акте не прямой речевой агрессии в рамках конфликтной коммуникации.

Таким образом, мы видим, что антропоцентричный подход к изучению речевого взаимодействия акцентирует наше внимание на коммуникантах, их интенциях и личностных характеристиках. Изучение речевого взаимодействия происходит в рамках теории речевых актов. Косвенным

речевым актом мы называем высказывание, внутреннее содержание которого не совпадает с внешней формой.

1.2. Личностные аспекты коммуникации

1.2.1 Понятие языковой и речевой личности

Введение понятия «деятельность» в теорию речевой коммуникации изменило подход к анализу речевого взаимодействия. Современная деятельностная концепция речевой коммуникации берёт своё начало в XIX веке и связана с идеями В. фон Гумбольдта, который рассматривал язык в качестве деятельности. В результате развития данной концепции появляется понятие личности в качестве производителя деятельности, т.е. «личность творит и формирует себя в деятельности, осуществляемой ею, которая является показателем психических и социальных качеств личности» (Сидоров 2010: 10-11).

Рассмотрим такие понятия, как речевая и коммуникативная деятельность. По определению Е.В. Сидорова, речевая деятельность – это один из видов деятельности, представляющий собой целесообразную речепсихическую активность личности, совершаемую на основе коммуникативной способности и опыта её осуществления с использованием знаковых ресурсов языка (Сидоров 2010: 12). Коммуникативная деятельность – это речевая деятельность говорящего либо реципиента (первичная и вторичная коммуникативная деятельность соответственно).

В ситуациях, требующей «официализации» речевой деятельности, проявляется коммуникативная зрелость говорящих, с которой тесно связано действие представленных факторов. Это приводит к использованию стратегии деперсонализации, которая проявляется в стремлении соответствовать принятым нормам, носящим в основном искусственный характер. Нас же интересует ситуация, предполагающая «деофициализацию» речевого общения, в которой, напротив, «преобладают тенденции персонализации, провоцирующие говорящих на естественное (спонтанное,

непрофессиональное) текстопорождение» (Шпильная 2017: 98). Именно в таком типе коммуникативной ситуации реализуется потенциал языковой личности.

Первое употребление термина «языковая личность» обычно связывают с работой В.В. Виноградова «О художественной прозе» (1930) или с публикацией немецкого лингвиста Й.Л. Вайсгербера «Родной язык и формирование духа» (1929). Существует множество определений понятия «языковая личность», так как это достаточно сложный феномен. В широкий обиход в отечественной лингвистике этот термин ввёл Ю.Н. Караулов, который определяет языковую личность как человека, обладающего способностью создавать и воспринимать тексты. Многие исследователи сходятся во мнении, что языковая личность — это «многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей», т.е. языковая личность является обобщённым, типизированным инвариантом, тогда как речевая личность — это личность, реализующая себя в процессе речевого акта (Кыштымова 2014). Подобная реализация базируется на выборе и осуществлении определённых коммуникативных стратегий и тактик, а также использовании собственно лингвистического и экстралингвистического инструментария.

В свою очередь, некоторые лингвисты в парадигме речевых личностей выделяют коммуникативную личность. Е.Ю. Прохоров даёт следующее определение коммуникативной личности: «... совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения» (Прохоров 2006: 17). Иными словами, коммуникативная личность — это речевая личность, существующая в рамках конкретного речевого акта.

В дальнейшем анализе мы будем использовать термин «языковая личность», так как и речевая, и коммуникативная личность — это разные ступени реализации языковой личности в коммуникации.

Одним из основных факторов формирования языковой личности и её компетенции является жанровое мышление. Речевой жанр — это род

коммуникативной деятельности, требующий от говорящего использования «неодинаковых моделей порождения речи» (Кондрашова, Иванова, Соколова 2004). Выбор внутрижанровых речевых средств определяется стратегиями и тактиками речевого поведения, а на выбор последних, в свою очередь, влияет тип языковой личности.

В качестве одной из наиболее полных классификаций типов языковой личности мы бы назвали классификацию С.В. Оленёва. Основопологающим критерием для выделения данной классификации является аспект рассмотрения языковой личности в рамках научно-исследовательской деятельности. Приведём здесь те разновидности языковой личности, которые сообразны с целью и задачами нашего исследования:

- 1) Авторитарный тип. Характеризуется максимально властным способом построения дискурса и авторитарным речевым поведением; реализует управляющую разновидность межличностных отношений.
- 2) Гендерный тип. Специфика языко-речевой деятельности данного типа определяется гендерной принадлежностью.
- 3) Кооперативный тип. Характеризуется выбором в ходе естественной коммуникации неконфликтных стратегий, тактик и оформляющего их языкового репертуара.
- 4) Эмоциональный тип. Рассматривается с точки зрения способности языковой личности к оязыковлению своих эмоций (Оленёв 2016: 20-21).

Нам представляется целесообразным дополнить данную классификацию пунктом «некооперативный тип», тем самым создавая оппозицию «кооперативная – некооперативная языковая личность». Некооперативная языковая личность в процессе речевого общения руководствуется конфликтными речевыми стратегиями и тактиками. Нас в первую очередь интересуют стратегии, связанные с речевой агрессией. Используя в качестве критерия данные стратегии, К.Ф. Седов выделяет три основных типа

языковой личности: личность инвективная, куртуазная и рационально-эвристическая. Первый тип личности тяготеет к использованию прямой речевой агрессии, второй чаще прибегает к намёкам (то есть, использует колкость – «комплимент со знаком минус»), третий в основном использует иронию (Седов 1997).

Каждая языковая личность уникальна, и в процессе социализации она наделяется различными ролями: коммуникативными, социальными и психологическими. Об интересующих нас коммуникативных ролях (адресат и адресант) уже было сказано ранее, а психологические и социальные роли языковой личности мы рассмотрим более подробно в следующем подпункте.

1.2.2 Влияние личности на коммуникацию

Для адекватного описания особенностей языковой личности и специфики её речемыслительной деятельности необходимо исследовать экстра- и интралингвистические факторы, влияющие на её функционирование: «в задачи описания любой языковой личности должен входить как обязательный компонент анализ факторов, формирующих её язык» (Иванцова 2010: 70). Несмотря на разнообразие подходов к изучению языковой личности и рассматриваемых факторов, определяющих её индивидуальность, их можно объединить в четыре надсистемы:

- 1) психический мир личности как носителя языковой способности;
- 2) биологический и физиологический мир человеческого организма, участвующий в речепроизводстве;
- 3) внешний, физический мир, посредством которого производится передача речевого сигнала;
- 4) социальный мир, в котором происходит речевое взаимодействие между носителями языка (Оленёв 2016: 10).

В рамках нашего исследования интерес представляют первый и последний пункты, т.е. психологические особенности коммуниканта и социальные факторы, влияющие на его речевое поведение.

Мы хотим подчеркнуть, что единой типологии лингвоперсонологических факторов на данный момент не существует. Выделим основные, с точки зрения нашего исследования, лингвоперсонологические факторы, влияющие на коммуникативное поведение говорящего:

- 1) фактор социального статуса;
- 2) возрастной фактор
- 3) фактор социально-психологической дистанции (он отличается от остальных факторов тем, что характеризует не отдельную языковую личность, а взаимодействие двух коммуникантов);
- 4) гендерный фактор.

Исследователи в своих публикациях чаще всего подробно останавливаются на факторах социального статуса и гендера (остальные факторы просто упоминаются в числе возможных характеристик, влияющих на ход речевого общения). Позволим себе предположить, что происходит это потому, что факторы социального статуса и гендера влияют на речевое общение в большей степени, нежели остальные факторы, в силу сложившихся в обществе стереотипов.

С точки зрения фактора социального статуса речевые акты делятся на два класса: статусно-нейтральные и статусно-маркированные. Последние, в свою очередь, подразделяются на речевые акты с нисходящим и восходящим статусным вектором адресанта.

Статусно-маркированные речевые акты включают в себя несколько ходов, основных и дополнительных: основные выражают суть конкретного речевого акта, дополнительные представляют собой, например, выражение мотивировки, демонстрацию уважения и косвенное или прямое обозначение намерения совершить некий речевой акт. Дополнительные ходы реализуются только на социальной дистанции и не реализуются на персональной дистанции (Карасик 2002: 162).

Особую роль в определении статусного характера речевого акта является использование стратегии намёка. В.В. Богданов отмечает, что повышенное

использование имплицатур в речи повышает статус адресанта в глазах адресата. Справедливо это и в обратную сторону. Говорящий создаёт впечатление разбирающего в тонкостях речевого общения и умного человека, и адресат понимает, что адресант доверяет его догадливости. «Общение на уровне имплицатур – это более престижный вид вербальной коммуникации, поэтому он широко используется среди образованной части населения, поскольку для понимания многих имплицатур адресат должен располагать соответствующим уровнем интеллектуального развития» (Богданов 1990: 21). Намёк также даёт возможность говорящему сохранить лицо в случае просьбы. Просьба в виде намёка сигнализирует о том, что говорящий не хочет попасть в зависимость от адресата. Таким образом, стратегия вуалирования просьбы связана со статусной неуверенностью говорящего (Карасик 2002: 120).

Фактор социального статуса актуализируется в условиях коммуникации на социальной дистанции и при нарушении коммуникативных постулатов. Социальный статус языковой личности является одним из оснований и в то же время инструментов воздействия адресанта на адресата (Карасик 2002).

Фактор возраста делит коммуникантов на детей, подростков, молодёжь, среднее и старшее поколение (разумеется, условно, так как существуют переходные зоны). Речь представителей молодёжи, например, в своей среде раскованна, непринуждённа, им присуще желание выделиться с помощью жаргонных слов и оборотов. Речь людей, принадлежащих к среднему поколению, наименее связана с возрастными границами, поскольку они занимают промежуточную позицию между старшим и младшим поколением. Их «речевые свойства наиболее подвижны», так как среднее поколение должно уметь ладить и с младшими, и со старшими (Формановская 2017: 54). Старшее поколение отличается консервативностью и считает, что последующие поколения засоряют язык.

Социально-психологическая дистанция может рассматриваться на оси «свой – чужой», то есть может быть далекой и близкой: степень интимности (Leech

1980), степень внедрения в сферу адресата (Brown 1978), близкие – неблизкие отношения (Винокур 1993). В результате сближения или отдаления отношения между коммуникантами становятся симметричными или асимметричными соответственно (Лазебная 2007).

Фактор социально-психологической дистанции влияет на выбор тактики персонализации или персонификации. Персонализация – это «маскировка», сокрытие человеком своих личностных проблем, а персонификация – это «отказ от личностных фасадов и стремление быть сами собой» (Чеботникова 2011).

Обратимся к фактору гендера, который является одним из факторов речевого общения, вызывающих наибольший интерес среди исследователей. Социальные психологи утверждают, и мы с ними согласны, что пол и психика не влияют на языковые различия в речи представителей разных гендеров, хотя на начальном этапе развития феминистской лингвистики именно такое мнение и существовало (Кирилина 1999). Влияние на подобное расхождение оказывает система гендерных убеждений, сложившихся в обществе (Жигайкова 2004).

Теперь рассмотрим гендерные особенности ведения диалога в сопоставлении. В диалогах женская коммуникативная стратегия направлена на достижение взаимопонимания и ориентирована на собеседника, однако в конфликтных ситуациях возможны отступления от этой нормы. В рамках нормы женщины часто задают вопросы (в том числе и риторические) в ходе диалога, чтобы дать ему развитие, вовлечь в него других собеседников, смягчить негативный эффект и т.д. Также существует распространённое мнение, что женщины вежливее мужчин, хотя практика зачастую опровергает этот стереотип (Жигайкова 2004). Женщина чаще извиняется, её чаще перебивают, своё несогласие она чаще выражает молчанием, нежели открытым словесным протестом. Мужчина же обычно выбирает тему беседы, к вопросам относится как к средству получения информации, а не как к способу продолжить разговор, склонен к доминированию в диалоге,

дискутированию, оспариванию мнения собеседника и игнорированию комментариев (Горошко). Д. Таннен считает, что подобное расхождение в речевых стратегиях обусловлено тем, что мужчины и женщины овладевают языком «в разных мирах», в то время как стандартом считается мужской язык – женщине приходится подстраиваться (Tannen 1990).

Множество работ по феминистской лингвистике было посвящено также проблеме влияния гендерной принадлежности на лексико-грамматические особенности мужской и женской речи. Например, женщинам свойственно употребление семантически пустой, «приукрашенной» лексики, в частности прилагательных и наречий. Использование наречий-усилителей, модальных ограничителей и идиоматических выражений свойственно представителям обоих гендеров (Жигайкова 2004).

Грамматические различия мужской и женской речи проявляются в основном на синтаксическом уровне: прямое цитирование (мужчины используют прямую речь для передачи собственного внутреннего диалога, тогда как женщины часто описывают чужие разговоры и с помощью прямой речи стараются как можно более «точно и красочно передать атмосферу» [Жигайкова 2004]), так называемые tag questions (впервые отмечены Р. Лакофф в качестве особенности женской речи (Lakoff 1975), мужчины же, предпочитают использовать утверждения либо вопросы для получения информации). Вместе с тем Жигайкова отмечает, что можно выделить эмоционально выраженный стиль и эмоционально-нейтральный, при этом эти стили не являются исключительной принадлежностью представителей того или иного гендера (Жигайкова 2004).

Таким образом, следует отметить, что рассмотрение речепорождения в качестве деятельности привело к актуализации термина «языковая личность». Критерий жанрового мышления языковой личности позволил нам выделить некооперативный, или конфликтный, тип языковой личности. Среди лингвоперсонологических факторов, влияющих на речевое взаимодействие, превалируют факторы социального статуса и гендера. Влияние социального

статуса базируется на сокращении или увеличении социальной дистанции, влияние гендера – на противопоставлении мужской и женской речи (однако различия в мужской и женской речи далеко не всегда проявляются: чем выше уровень образования, тем меньше эти различия проявляются).

1.3 Конфликтное речевое общение

1.3.1 Виды речевой агрессии

Как было отмечено ранее, речевое общение может быть кооперативным либо конфликтным. Конфликтное речевое общение подразумевает, что оценки текущей ситуации и сиюминутной темы или общих позиций, предпочтений, установок находятся в противоречии, поэтому тексты строятся в тональности несогласия, разногласия, конфликта, и этот конфликт принимает различные формы: возражение, отказ, спор, ссора и т.д.

В первом параграфе было также сказано, что одной из предпосылок к возникновению некооперативного речевого акта может быть нарушение основных постулатов прагматики. Эти постулаты, или максимы, прагматики сформулировал лингвист Г.П. Грайс, объединив их под названием принципа кооперации. Таким образом, принцип кооперации Грайса состоит из постулатов качества (сообщаемая информация должна быть истинной), количества (объём сообщаемой информации должен адекватно соотноситься с целями общения), способа выражения (сообщаемая информация должна чётко и ясно доноситься до собеседника) и релевантности (сообщаемая информация должна оставаться в рамках заданной диалогом темы) (Грайс 1985). Намеренное нарушение этих постулатов может стать источником речевой агрессии.

Некоторые исследователи отождествляют речевую и вербальную агрессию, отдавая при этом всё-таки предпочтение термину «речевая агрессия» (Воронцова 2005), а другие, например К.Ф. Седов, выделяют вербальную агрессию как вид речевой, что представляется нам более верным, так как речевая агрессия может выражаться также и на невербальном уровне.

Речевая агрессия определяется К.Ф. Седовым как желание «вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние у адресата» (Седов 2005). Ниже мы рассмотрим некоторые необходимые для нашего исследования пункты классификации видов речевой агрессии, которую выделяет К.Ф. Седов:

- 1) вербальная / невербальная. Критерий разграничения – природа знаковых средств выражения речевой агрессии.
- 2) прямая / косвенная (непрямая). В первом случае негативная иллокуция прямо вытекает из компонентов речевого высказывания, во втором – нет.
- 3) инициативная / реактивная. Первая разновидность речевой агрессии выступает как средство нападения, вторая – как средство защиты.
- 4) сильная / слабая. Эти два вида различаются степенью перлокутивного воздействия на собеседника.
- 5) враждебная / невраждебная. Критерий разграничения – степень враждебности, лежащая в основе речевой агрессии (Седов 2005).

Речевая агрессия выражается в различных речевых субжанрах. Назовём такие речевые субжанры, как колкость, насмешка, угроза, упрёк и дружеское подшучивание, в качестве наиболее распространённых видов речевой агрессии.

Мы считаем целесообразным отдельно рассмотреть проблему выделения речевых субжанров колкости и насмешки. Исследователи данного вопроса не пришли к однозначному выводу, тождественны ли колкость и насмешка друг другу или нет. Одни считают, что есть две речевые стратегии – колкости и насмешки – в основе первой стратегии лежит тактика намёка, в основе второй – тактика иронии (Кондрашова, Иванова, Соколова 2004). Другие придерживаются точки зрения, что насмешка включает в себя колкость (Щербинина 2006). Достаточно подробно этот вопрос разбирает И. А. Шаронов: он, в свою очередь, выделяет речевые стратегии иронии и насмешки, подытоживая, что «не любая насмешка содержит в себе иронию, и

не любая ирония насмешлива». Компонентами иронии выступают так называемое «перевёртывание смысла» и насмешка, и входить в состав иронии они могут как вместе, так и по отдельности (Шаронов 2004).

Нам ближе первая точка зрения, так как колкость – более изощрённая тактика, чем насмешка. Насмешка подразумевает намерение достаточно сильно обидеть человека, принизить его с помощью иронии, в то время как колкость направлена на то, чтобы задеть адресата, при этом в основе колкости лежит намёк.

К.Ф. Седов называет колкость «комплиментом со знаком минус» (Седов 1997), в чём мы с ним согласны. Жанр комплимента социально стереотипизирован, и от условий общения зависит восприятие комплимента адресатом как искреннего или неискреннего (Fish, Rothermich, Pell 2017: 149). Неискренний комплимент может быть просто соблюдением формальности, проявлением вежливости, стремлением сократить социальную дистанцию, а может содержать негативную импликацию, что превращает комплимент в колкость.

Тактика угрозы является одним из средств проявления прямой вербальной агрессии, однако в рамках нашего исследования мы рассматриваем менасивные высказывания, первичная иллокутивная сила которых не связана с угрозой. Другими словами, косвенная угроза реализуется в форме другого высказывания, например, угроза-предупреждение или угроза-обещание (Лазебная 2007).

В упреке говорящий основывается на пресуппозиции, что некая ситуация имеет место, но он не утверждает, что это плохо, а косвенным образом указывает на это (Лазебная 2007). В рамках ситуации с симметричными коммуникативными отношениями упрёк высказывается прямолинейно, без соблюдения принципов вежливости (Кожухова 2014: 31), тогда как в ситуации с асимметричными отношениями обычно приводится объяснение недовольства говорящего, что компенсирует удар, нанесённый репутации адресата (Давыдова 2007: 27).

Рассмотрим тактику дружеского подшучивания. К.Ф. Седов относит дружеское подшучивание к слабой речевой агрессии, утверждая, что данная тактика «не ухудшает, а улучшает коммуникативный климат (Седов 2005: 35). Также существует мнение, что дружеское подшучивание относится к кооперативному типу речевому общению, а именно к «кооперативной грубости», т.е. принцип вежливости Дж. Лича нарушается коммуникантами для поддержания солидарности и дружеской атмосферы (Leech, Larina 2014: 20-21). Мы всё-таки разделяем точку зрения К.Ф. Седова, так как, на наш взгляд, дружеское подшучивание имеет своей целью вызвать негативное эмоциональное состояние у адресата (что заявлено в определении речевой агрессии), пусть и в слабой степени, не вредящей дружеским отношениям. Отметим, что в отношении терминов «речевой жанр – стратегия – тактика» прослеживаются различные подходы к одному и тому же речевому явлению. Например, комплимент рассматривается и как речевой жанр (Дементьев, Седов 1998: 59-60) и как коммуникативная тактика (Иссерс, 1997). Таким образом, мы видим, что теория речевых жанров нуждается в дальнейшей разработке и уточнении. В нашем исследовании мы будем придерживаться терминологии, использованной И.Б. Лазебной в своей диссертации: по её мнению, речевая агрессия проявляется в виде внутрижанровых речевых тактик, которые, в свою очередь, определяются как минимальная одноактная жанровая форма, равная субжанру (Лазебная 2007). Что касается стратегий коммуникативного поведения, традиционно их выделяется три: кооперативная, конфронтационная и нейтральная (Лихачёва, Заворуева, Герасимова 2017: 125).

1.3.2 Способы выражения непрямой речевой агрессии в английском диалоге

Способы выражения речевой агрессии зависят, как было сказано ранее, от типа языковой личности, а также от эмоциональной компетенции адресанта, т.е. его способности «действовать в соответствии с внутренней средой своих

чувств и желаний» (Шаховский 2002).

Речевая агрессия в английской речи может быть представлена как через прямые, так и через косвенные средства (Лазебная 2007). Как уже было сказано в первом параграфе, представителям англоязычной культуры более свойственно использование косвенных речевых актов, следовательно, чаще всего мы имеем дело с непрямой речевой агрессией.

Вернёмся к определению непрямой речевой агрессии: она «содержится в речевом акте, негативная иллюзия которого не вытекает из суммарного значения входящих в высказывание компонентов» (Седов 2005). При этом такая агрессия будет обязательно преднамеренной, так как она обладает стратегическим назначением (адресант преследует определённую цель вызвать состояние дискомфорта у адресата), и активной, т.е. она реализуется «посредством особых ликоповреждающих действий» (Егорова 2001).

Косвенная речевая агрессия в английском диалоге проявляется на семантическом, просодическом (если материалом исследования является художественная литература, необходимо обращать внимание на авторские комментарии к диалогам) и стилистическом языковых уровнях.

Косвенные менасивные речевые акты характеризуются тем, что угроза выражается в них «неспециальными языковыми средствами и главную роль в них играют интонационные и паралингвистические средства» (Лазебная 2007). Тактика косвенной угрозы может проявляться следующим образом: маскировка угрозы под бенефактивное для адресата действие, смена коммуникативной установки с действия на говорящего, использование вопросов с упоминанием действия, наносящего ущерб адресату, и т.д. (Кондрашова, Пospelова 2017). Такие высказывания достаточно часто употребляются для выражения менасивных интенций, и в рамках конкретной коммуникативной ситуации не составляет труда узнать коммуникативное намерение говорящего (Лазебная 2007).

При выражении, например, упрёка, английской лингвокультуре свойственно акцентирование на адресанте, на его эмоциональном состоянии, при этом

коммуниканты «не нарушают границ личного пространства друг друга». Также используются такие лингвистические средства, как модальные слова, слова, выступающие в качестве совета и глаголы в условном наклонении (Кожухова 2014: 30).

Несмотря на небольшой ликоущемляющий потенциал незлобного дружеского подшучивания, оно может обидеть адресата, так как адресант знает уязвимые места адресата и может использовать обидные для него импликатуры (Гуцал 2007: 175). Если же есть какие-либо сомнения относительно этого или трудности в определении социальной роли и дистанции между коммуникантами, что, как правило, исключает возможность шутливой фамильярности, имеется опасность интерпретации шутки как обидной колкости (Колосова 2012: 91).

Тактики колкости и насмешки реализуются в английском диалоге следующим образом: практика формального подхода к высказыванию, перебивание собеседника с целью эксплуатировать отдельные элементы высказывания, смещение фокуса с общего смысла пропозиции на его часть, замена реактивного хода коммуникации инициативным и т.д. (Кондрашова 2007).

Выбор языковых средств при выражении косвенной речевой агрессии обусловлен, помимо прочего, национальными характерными чертами. Необходимо опираться на этот фактор при дальнейшем анализе английской некооперативной коммуникации.

Таким образом, отметим, что в рамках речевой агрессии на данный момент не существует однозначного деления на речевые жанры.

Выводы по главе 1

На основе исследованного материала можно сделать следующие выводы:

1. В зависимости от соотношения формы и содержания речевого акта коммуникация может носить как прямой, так и косвенный характер, а в зависимости от выбора стратегии речевого общения также может быть кооперативной и некооперативной (конфликтной).

2. Выделяются три стратегии речевого общения: кооперативная, конфронтационная и нейтральная. На выбор речевых тактик и стратегий влияют характеристики языковой личности, производящей речевой акт; в основном, это социальные характеристики (социальный статус, гендер, возраст), социально-психологическая дистанция, симметричность или асимметричность отношений. Проанализировав лингвоперсонологические факторы, влияющие на коммуникативное взаимодействие, мы видим, что не существует единой классификации таких факторов, поэтому рассматривать их следует относительно конкретных речевых актов.
3. Увеличение социально-психологической дистанции способствует созданию асимметричных коммуникативных отношений, а сокращение – создание симметричных коммуникативных отношений.
4. Под речевой агрессией понимается желание адресанта вызвать у адресата негативное эмоционально-психологическое состояние. Речевая агрессия может быть вербальной и невербальной, инициативной и реактивной, сильной и слабой, прямой и косвенной, враждебной и невраждебной.
5. Выделяются следующие формы не прямой речевой агрессии как наиболее распространённые: колкость, насмешка, угроза, упрёк, дружеское подшучивание. Колкость – это комплимент со знаком минус, в её основе лежит намёк, в основе насмешки лежит ирония. Все перечисленные формы косвенной речевой агрессии мы относим к внутрижанровым тактикам.
6. В силу национальных особенностей носители английского языка предпочитают косвенную речевую агрессию прямой.

Глава 2. Специфика взаимосвязи лингвоперсонологических факторов и проявления не прямой речевой агрессии в английском диалоге

2.1 Колкость как субжанр не прямой речевой агрессии

2.1.1 Влияние факторов социального статуса и гендера на реализацию тактики колкости

На материале представленных ниже примеров мы рассмотрим, каким образом факторы социального статуса и гендера влияют на использование в английской речи тактики колкости.

1.	“Happy families are all alike; every unhappy family is unhappy in its own way,” he quoted, pointing to her book. “It’s the first line in your book. I always thought there was a lot of truth in that. Or maybe that’s what my English teacher said. I can’t really remember. I read it last semester.” <i>“Your parents must be so proud you can read.” (S.L.)</i>
----	--

Первый коммуникант, Уилл, пытается наладить контакт с Ронни, заговаривая с ней на близкую ей тему. Между ними – коммуникативная дистанция, которую Ронни не хочет сокращать, так как уже составила нелестное мнение о собеседнике и не хочет подпускать его близко. Девушка делает парню сомнительный комплимент, подчёркивая своё статусное превосходство над ним. Упоминаний родителей собеседника и гипотетического чувства гордости, которое они должны испытывать в связи с тем, что их сын-старшеклассник умеет читать, превращает данный микродиалог в статусно-маркированный речевой акт с восходящим статусным вектором адресанта. Иллокутивная сила колкости увеличивается за счёт использования наречия-усилителя *so*.

2.	EMMA: Ooh! So excited. Oh, I love a car wash, too, though, you know. When I was little, if I got all “A”s, my dad would let me wash his car, so I’d get my little toothbrush out, and I’d clean it all weekend long. SUE: <i>You know, the way you use your mental illness to help these kids is really inspiring. I’m shocked you’re not married.</i> (G.)
----	--

Эмма больна обсессивно-компульсивным расстройством, поэтому страдает

от навязчивых состояний вроде страха грязи или беспорядка. Сью, являясь по натуре довольно жестоким человеком, любящим самоутверждаться за счёт слабостей других, не может не съязвить насчёт болезни своей собеседницы. Выражение *you know* (в словаре Cambridge Dictionary ему присвоена помета *informal*), которым вводится колкость со стороны Сью, служит для эмпатизации всего дальнейшего высказывания. Использование наречия-усилителя *really*, эмоционально-оценочного прилагательного *inspiring* и эмоционально-экспрессивного прилагательного *shocked* (эмоционально окрашенная лексика чаще всего свойственна речи женщин) придаёт высказыванию форму комплимента, даже похвалы, однако из коммуникативной ситуации мы понимаем, что это «комплимент со знаком минус» (сопоставление несопоставимого – психическое расстройство и помощь детям). Следующая реплика адресанта только усиливает эффект – Сью якобы считает удивительным, что такая заботливая женщина до сих пор не замужем. Мы можем предположить, что в большинстве случаев упоминание замужества зачастую также характеризует женщин, так как для них брак является важной составляющей социального статуса.

3.	<p>‘I hardly —’ Avice began.</p> <p>Irene’s voice was concerned: ‘It must have been so worrying for you, not knowing if you were going to be tarred with the same brush... you know, with what everyone’s been saying about your dormitory and what goes on there. <i>We’ve all so admired your stoicism.</i> No, your little social do is a very good idea. It will quite take your mind off things.’ (M.S.)</p>
----	---

Обе коммуникантки принадлежат к высшему обществу. Одна из них, Эвис, вынуждена общаться с представителями менее привилегированных слоёв общества, из-за чего попадает в опалу. Между ней и её подругой Айрин начинается вербальная дуэль, которая продолжается на протяжении всего действия, описанного в книге. Непрямая речевая агрессия здесь в основном проявляется с помощью колкостей и насмешек. Так как в данном параграфе мы анализируем тактику колкости, то остальные высказывания мы рассмотрим в следующем параграфе.

Употребляя личное местоимение *we*, усиленное определительным местоимением *all*, а также перебивая собеседницу в самом начале реплики, тем самым перехватывая коммуникативную инициативу, Айрин проводит границу между представителями светского общества и Эвис, понижая статус последней. Характерная для женщин демонстрация притворной любезности и расположения к собеседнику проявляется здесь с помощью авторского текста (*Irene's voice was concerned* – в голосе Айрин слышалась озабоченность). Снова используется наречие-усилитель *so* и эмоционально-оценочная лексика (глагол *to admire*). Приписывание собеседнице качества стоицизма относится к намёку на неприятное для Эвис мнение, якобы составленное о ней обществом (Эвис живёт в одной каюте с бывшей проституткой и боится, что репутация последней повлияет на её собственную; Айрин косвенным образом подогревает её опасения).

4.	<p>‘Hey-ho. I’m off to tea and to read Harold’s letters. Did you get many?’</p> <p>‘Oh, heaps,’ said Avice, brandishing hers in the air. There had been only one from Ian. She had tucked it under her mother’s so that Irene couldn’t tell. ‘Good luck with the next contest, anyway,’ she said. ‘It’s fancy dress, I believe, so I’m sure you’ll do much better. You’re getting so tanned you could wear a scarf round your waist and go as a native.’ And clutching her ‘certificate’, Avice walked, with as little conceit as she could muster, away.</p> <p>(M.S.)</p>
----	---

Чтобы уйти от неприятной ей темы, Эвис желает Айрин удачи в конкурсе красоты, в котором они обе участвуют. Одним из этапов конкурса красоты является маскарад, и Эвис заявляет о своей уверенности в превосходстве собеседницы, ссылаясь на то, что последняя сильно загорела и сможет сойти за туземку. Мы понимаем, что это колкость, так как представительницы высшего общества старались не загорать, считая белую кожу признаком аристократичности. Истинные намерения девушки раскрывает и авторский текст: *conceit* – тщеславие, самомнение. В этот раз Эвис меняет расстановку сил таким образом, что речевой акт остаётся статусно-маркированным, но уже она сама является адресантом с восходящим статусным вектором. Фраза *I’m sure you’ll do much better* в данном контексте подразумевает

снисходительность по отношению к собеседнице: во-первых, статусная уверенность адресанта, во-вторых, напоминание, что на прошлых этапах Айрин выступила хуже, чем Эвис.

2.1.2 Влияние факторов возраста и социально-психологической дистанции на реализацию тактики колкости

В качестве факторов, влияющих на выбор и использование речевой тактики колкости, выступают также возраст и социально-психологическая дистанция между собеседниками.

5.	Lavona: <i>I like your hair pulled back like that. Makes you look young.</i> Tonya: I'm 23, mom. (I.T.)
----	--

Мать Тони, Лавона, разумеется, знает, сколько её дочери лет, и Тоня это понимает. Намекая на то, что с распущенными волосами девушка выглядит гораздо старше своего возраста (а, следовательно, менее привлекательно), Лавона пытается задеть Тоню. Решающую роль играет выбор глаголов во фразе *Makes you look young*, так как глаголы *make* и *look* подразумевают внешнее впечатление, а не факт молодости. Особенно обидной эта колкость становится, если учесть фактор возраста, так как мать Тони значительно старше дочери. Содержание реплики Лавоны не соответствует действительности, о чём и напоминает ей дочь: нельзя «выглядеть молодо» в 23 года, ведь 23 года – это и есть молодость. Можно заметить, что Тоня не отвечает агрессией на агрессию матери: почувствовав, что комплимент, который сделала ей мать, со знаком «минус», она отвергает его, своей репликой заявляя о факте, который демонстрирует несостоятельность заявления Лавоны.

6.	“Go get me some fries,” he said. “I’m kind of hungry.” Blaze pulled back. “I only have a couple of dollars left.” He could hear the whine in her voice. “So? That should cover it. <i>And make sure you don’t eat any of them, either.</i> ” He meant it. Blaze was getting a little soft in the belly, a little puffy in the face. (S.L.)
----	---

Иллокутивная сила данного высказывания содержит ярко выраженную

негативную оценку – из дальнейшего контекста становится понятно, что Марк, адресант, имеет в виду, что Блейз слишком располнела и ей не помешало бы похудеть. Своей фразой адресант как бы задаёт девушке программу действий, настраивает её на самоконтроль (это подчёркивается выбором слов *make sure* и *any of them*). В какой-то мере здесь задействован и фактор гендера – критика в адрес своего внешнего вида со стороны мужчины воспринимается женщиной тяжелее, чем со стороны другой женщины. Однако ключевым фактором здесь является социально-психологическая дистанция между коммуникантами: то, что адресат и адресант состоят в романтических отношениях, значительно сокращает социально-психологическую дистанцию между ними, что делает адресата более уязвимым к речевой агрессии, а замечание – ещё более инвективным.

2.2 Насмешка как субжанр не прямой речевой агрессии

2.2.1 Влияние факторов социального статуса и гендера на реализацию тактики насмешки

Теперь обратимся к тактике насмешки и проанализируем, каким образом факторы социального статуса и гендера проявляются в примерах ниже.

7.	Booth: Yeah, well you know what? I'm the one with the badge and the gun huh. You know, you're not the only forensic anthropologist in town. Temp: [Laughing] Yes I am. The next nearest is in Montreal. <i>Parlez-vous francais?</i> (B.)
----	--

Темперанс, прекрасно зная, что она является единственным антропологом в городе, а значит, без её помощи Буту, сотруднику ФБР, не обойтись, позволяет себе совершить выпад в его сторону. Она отрицает его утверждение, подчёркивая своё превосходство, в том числе и статусное. Фраза «Говорите ли Вы по-французски?», сказанная на французском языке, подразумевает следующее: агент Бут не знает французского языка, следовательно, не сможет воспользоваться услугами антрополога из Монреаля, крупного города французской провинции Квебек в Канаде. Образование является одной из статусных характеристик, поэтому речевой акт остаётся статусно-маркированным (изначально маркером было

служебное положение Бута, о чём он не преминул упомянуть), но статусное преимущество переходит к Темперанс. В данном случае выбранная тактика является частью оборонной стратегии (так называемая реактивная речевая агрессия).

8.	Maddy: Are you high? House: <i>Higher than you.</i> (M.D.)
----	---

К доктору Хаусу обращается пациентка, страдающая карликовостью. В силу своего скверного характера Хаус не может оставить этот факт без внимания и постоянно издевается над женщиной. Интересно, что той коммуникативной дистанции, которая должна быть между доктором и его пациентом, здесь нет: Хаус нейтрализует статусное различие своим поведением (статусно-нейтральный речевой акт). На очередной приём Хаус приходит «под кайфом», о чём его и спрашивает Мэдди. В ответ он пытается задеть её, снова упоминая её рост.

В данном примере насмешка реализуется за счёт языковой игры. Обыгрываются два омонимичных значения слова *high*: 1) *being a large distance from top to bottom or a long way above the ground, or having the stated distance from top to bottom* и 2) *not thinking or behaving normally because of taking drugs* (Cambridge Dictionary). В реплике Мэдди реализуется первое значение, в то время как Хаус использует омоним как основу для не прямой речевой агрессии. Сравнительная степень *higher* подчёркивает внутреннее превосходство адресанта над адресатом.

9.	‘Oh, I dare say I’ll dig something out of my trunk,’ said Irene. ‘It’s only a bit of fun after all, isn’t it?’ ‘It certainly is.’ ‘Couldn’t agree more,’ said Irene. ‘You know what, Avic? <i>I shall tell all those girls who’ve been whispering that you’re taking it too seriously that they’re quite wrong.</i> There.’ She paused. ‘ <i>And that I’ve heard that direct from the horse’s mouth</i> ’. (M.S.)
----	--

Вернёмся к вербальной дуэли, которую мы анализировали в первом параграфе данной главы, однако теперь рассмотрим те её элементы, которые участвуют в реализации тактики насмешки. В примере выше Эвис и Айрин

снова обсуждают конкурс красоты, и на этот раз коммуникативная инициатива принадлежит Айрин. Девушка всем своим видом демонстрирует то, что этот конкурс совсем для неё неважен, и спрашивает мнение Эвис. Желая произвести впечатление, что волноваться из-за конкурса было бы ниже её достоинства и для неё это просто развлечение, девушка соглашается с Айрин. Последняя ждала именно этого ответа и обернула его против собеседницы: для остальных участниц этого конкурса он был важен, и им было бы обидно услышать, что для претендентки на победу это ничего не значит. Модальный глагол *shall* со значением намерения усиливает насмешку. Также Айрин использует зооморфизм, маскируя его под фразеологическую единицу: *to hear sth from the horse's mouth – to hear sth from the person who has direct personal knowledge of it* (Cambridge Dictionary). Зооморфизмы обычно характерны для женской речи. Пауза перед последним высказыванием (*she paused*) является просодическим фактором, усиливающим воздействие насмешки.

10.	<p>'I hope it hasn't done any harm to the baby,' said Avise, laying a hand on her non-existent bump.</p> <p>'I heard your news. Congratulations,' said Irene. 'Does your husband know? <i>I'm assuming it is your husband's,</i>' she added, then laughed, a tinkling sound, to show she was joking.</p> <p>'I believe we're getting post tomorrow,' said Avise, whose own graceful smile had gone a little rigid. 'I imagine he'll have told everyone by now. We're having a party when we get to London,' she said. <...> 'In fact, Irene, perhaps you'd like to come. <...> Avise leant forward conspiratorially. <i>'Always makes you feel better to have at least one date in the social diary, doesn't it?'</i></p> <p><i>'I shall be delighted to come to your little gathering, if I can,'</i> said Irene, wiping the corners of her mouth. <i>'I'll have to check what our plans are, of course.'</i> (M.S.)</p>
-----	---

Айрин неискренне поздравляет Эвис с её положением и использует при этом очень обидную насмешку: глагол *to assume* оставляет возможность для другого варианта развития событий (ребёнок не от мужа). Учитывая фонд пресуппозиционных знаний (Айрин уже острела на тему того, что соседка Эвис по каюте – бывшая проститутка), замаскированное под шутку (*laughed*

<...> *to show she was joking*) оскорбительное предположение приобретает особую силу. Из авторского текста можно заключить, что насмешка подействовала: *Avice, whose own graceful smile had gone a little rigid.*

Эвис отвечает насмешкой на насмешку, заявляя, что её семья и семья её мужа устроят роскошную светскую вечеринку по такому торжественному случаю и покровительственно приглашает на неё Айрин. Используя сочетание *at least*, Эвис намекает, что по приезде в Англию круг знакомых Айрин будет крайне ограниченным. Использование tag question (*doesn't it?*), типичного для женского дискурса, усиливает иронию. Айрин снова демонстрирует неискреннюю радость (*delighted*) и отрицает намёк Эвис, чтобы восстановить своё статусное положение (*if I can, to check what our plans are*). Также для достижения уничижительного эффекта девушка называет вечер, который собирается устроить Эвис, *little gathering*.

11.	<p>‘Two points occur to me, Lang,’ said Barnes after a long pause, ‘out of your nice speech. One, neither one of us lives in a democracy. Having a vote once every four years is not the same thing as democracy. Not at all. Two, who said anything about lining our own pockets?’</p> <p>‘Oh, of course.’ I slapped my forehead. ‘I hadn’t realised. You’re going to give all the money from the sale of these weapons to The Save The Children Fund. It’s a gigantic piece of philanthropy, and I never even noticed. (L.G.)</p>
-----	---

В данном примере насмешка выражается с помощью притворного согласия. Томас Лэнг уверен в том, что Барнс наживается на продаже оружия, тот отвергает его обвинение, на что Лэнг отвечает развёрнутой саркастичной насмешкой. Используя определительное местоимение *all* и прилагательное *gigantic*, Лэнг подчёркивает всю абсурдность подобного заявления. Также он обыгрывает интересный контраст: оружие и дети (пожертвования в фонд, помогающий детям, в виде выручки от продажи оружия выглядели бы странно). Описав эту гипотетическую ситуацию, Лэнг выражает притворное недоумение от того, что не заметил этого, сопровождая высказывание невербальным средством (*I slapped my forehead*). Также мы можем отметить, что разговор ведётся на равных (статусно-нейтральный речевой акт), исходя

из силы насмешки и из того, что адресат называет адресанта по фамилии, без каких-либо добавлений.

2.2.2 Влияние факторов возраста и социально-психологической дистанции на реализацию тактики насмешки

Теперь мы проанализируем влияние факторов возраста и социально-психологической дистанции на реализацию тактики насмешки в речевом акте.

12.	Dr. Cox: You're worried about being on-call tonight, aren't you. J.D. shrugs J.D.'s Thoughts: Yeah. Dr. Cox: [sitting up] <i>Look, worst case scenario, you kill somebody, and that hangs over your head the rest of your life.</i> (S.)
-----	---

Джей Ди – новенький интерн в клинике, и он нервничает из-за того, что его могут вызвать ночью к срочному пациенту. Доктор Кокс, его куратор, вместо того, чтобы подбодрить подопечного, насмехается над ним, озвучивая самые худшие опасения Джей Ди. Слова с негативной семантикой придают насмешке зловещий оттенок (*worst, kill, hangs over your head, the rest of your life*). Предыдущее высказывание доктора Кокса и последующее действие, совершённое им, создают эффект обманутого ожидания, так как подобным образом обычно функционирует сочувствие. Джей Ди в какой-то мере воспринимал доктора Кокса как своего отца и ожидал от него поддержки, но не получил её.

2.3 Угроза как субжанр не прямой речевой агрессии

2.3.1 Влияние факторов социального статуса и гендера на реализацию тактики угрозы

Перейдём к анализу косвенных менасивных речевых актов и влияния на них факторов социального статуса и гендера.

13.	FOREMAN: [cool] You really hope no one dies while I'm sitting here and not talking to you? TRITTER: I, uh, I had a, uh, had a buddy at Trenton PD... do some digging. Your brother
-----	---

	locked up for drugs. Your own flesh and blood. Now you don't even visit. But your boss practises medicine on drugs. <i>Time to start lying to the cops.</i> (M.D.)
--	--

Беседа происходит между полицейским Триттером и врачом из команды доктора Хауса Форманом. Первый пытается выбить из последнего информацию о том, какую дозу виколина принимает доктор Хаус, чтобы уличить его в хранении наркотиков и посадить. Форман не желает выдавать своего начальника, и тогда Триттер прибегает к косвенной угрозе. Он упоминает брата Формана, который сидит в тюрьме, пытаясь использовать его как рычаг давления на Формана и манипулировать им. Фокус косвенной угрозы – в слове *time*. Всё предложение целиком подразумевает, что Форман выбрал неудачное время, чтобы начать лгать полицейским, ведь за счёт своих связей Триттер может навредить его брату. Триттер старается придать допросу неформальный характер (использование разговорной лексики: *buddy, cops, digging*), продемонстрировать ему их статусное равенство, чтобы воздействовать на Формана, заставить того расслабиться. Однако ему это не удаётся, как мы заключаем из коммуникативной ситуации (во-первых, авторские ремарки: Форман разговаривает с Триттером «холодно»; во-вторых, он не разговаривает с ним по существу дела, о чём мы узнаём уже из его собственных слов). Триттер понимает, что его манипуляция не сработала, что и побуждает его к использованию не прямой угрозы.

14.	FIGGINS: I am sorry, Sue. This is insanity! SUE: What you call insanity, I call inspiration. <...> And now, my Cheerio Squad this year finally has the talent to make that dream come true. You will not take that dream from me. <i>Do you not understand the blackmail process and how it works?</i> (G.)
-----	---

Школьный директор Фиггинс не хочет удовлетворять просьбу Сью, тренера команды по чирлидингу, потому что считает её требования лишёнными оснований. Сью не собирается сдаваться просто так и пускает в ход тактику косвенной угрозы, однако перед этим пускается в долгие рассуждения по поводу того, зачем ей нужно то, что она просит. Выражение мотивировки свойственно статусно-маркированным речевым актам с нисходящим статусным вектором адресанта. Менасивное высказывание приобретает

форму вопросительного предложения (по форме это – negative question, по существу – риторический вопрос), которое не требует ответа, так как изначально подразумевает согласие адресата. К тому же адресант снова задействует здесь пресуппозиционный фонд: Сью уже шантажировала директора Фиггинса раньше и сейчас напоминает ему об этом.

15.	<p>TERRI: (to EMMA) Hi. I don't think we've been properly introduced. <i>I'm Terri Schuester, Will's pregnant wife.</i></p> <p>EMMA: Hi.</p> <p>TERRI: <i>Oh, honey, someone got a little lipstick on your cup. I got it. (G.)</i></p>
-----	--

В первом высказывании мы имеем дело с вербальной косвенной угрозой, во втором она подкреплена невербальными действиями. Терри уверена, что её муж изменяет ей с Эммой, и решает познакомиться с девушкой. В самой формуле знакомства уже заключена косвенная угроза: Терри называет фамилию своего мужа, его имя и говорит, что беременна, тем самым угрожая потенциальной сопернице. Эмма отвечает приветствием на приветствие, не желая вступать в конфликт, однако Терри продолжает развивать инициативно-агрессивную стратегию. Обращение *honey* является проявлением притворного расположения к собеседнику (как мы уже выяснили, это свойственно в первую очередь женщинам). Маскируя угрозу под желание помочь (Терри использует неопределённое местоимение *someone*, хотя всем участникам коммуникативной ситуации известно, что имеется в виду Эмма), Терри слюнявит палец и стирает след от помады с кружки Эммы. У последней – обсессивно-компульсивное расстройство, и Терри это знает, как знает и то, что её действия доставили Эмме сильный дискомфорт. Сопровождение косвенной угрозы невербальным средством, действием производит больший эффект: адресат понимает, что адресант вполне может осуществить то, что скрывается в не прямой угрозе.

16.	<p>"Blaze won't care."</p> <p>She took a step back, increasing the distance between them.</p> <p>"I do," she said. "And I've got to go."</p>
-----	--

	He continued to stare at her. “Yeah, you do that.” Then, after a pause, he spoke up so the others could hear: “No, I’ll just stay here. But thanks for asking.” (S.L.)
--	--

В примере выше угроза выражена довольно специфическим образом. Маркус пристаёт к Ронни, пытаясь убедить её в том, что его девушке, Блейз, всё равно. Ронни не соглашается (она изо всех сил старается держать социальную дистанцию, что выражается даже физически: *took a step back, increasing the distance between them; I’ve got to go*), и тогда Маркус, зная, что остальная компания, включая Блейз, услышит, если он повысит голос, моделирует ситуацию, в которой Ронни зовёт его пойти с ней, а он отказывается. Он, как и Ронни, прекрасно понимал, что без последствий его девушка этого не оставит. Получается интересная коммуникативная ситуация, в которой высказывание направлено на нескольких адресатов, а интенция, то есть намерение причинить вред, пригрозить, относится к одному адресату. Иллокутивная сила угрозы реализуется за счёт экстралингвистических факторов: услышат его те, на кого направлено это высказывание, или нет. Подстраивая всё таким образом, словно это Ронни пыталась с ним сблизиться, а не наоборот, Маркус пытается добиться желаемого, косвенно вовлекая в двусторонний конфликт других участников.

2.3.2 Влияние факторов возраста и социально-психологической дистанции на реализацию тактики угрозы

Теперь обратимся к влиянию факторов возраста и социально-психологической дистанции на использование тактики косвенной угрозы.

17.	Scott glared at them, his jaw clenching. “You know, I’m getting sick and tired of your crap.” “Whatcha gonna do?” Marcus smirked. “Shoot a bottle rocket at me?” (S.L.)
-----	--

В описании данного речевого акта решающую роль играет пресуппозиционный фонд. Скотт считает себя виноватым в поджоге церкви (он запустил рядом бутылочную ракету), хотя на самом деле это сделал Маркус. Скотт об этом не знает, и Маркус не спешит его просвещать. Так как Скотт считает себя виноватым, у Маркуса есть возможность шантажировать

его, ведь окружающие не знают, кто поджигатель. Спрашивая у Скотта, не собирается ли тот швырнуть в него бутылочной ракетой, Маркус напоминает ему об этом инциденте и о том, что судьба Скотта находится в его руках: он мог в любое время рассказать всем, что это Скотт поджёг церковь (пусть это и неправда). Недобрые намерения Маркуса очевидны также из авторского текста (*Markus smirked*). Здесь проявляется фактор возраста: коммуниканты используют жаргонную лексику (*crap*) и разговорные сокращённые формы (*whatcha*), что придаёт речевому акту несколько сниженный характер. Молодёжи наиболее свойственно использовать жаргон в своей речи, нежели представителям других возрастных групп.

18.	<p>“So you’re going to stay?”</p> <p>“I think so.”</p> <p>“Then you won’t mind if I go inside?”</p> <p>He sat up straighter and brought a hand to his chin. “I don’t know if that’s such a good idea. <i>I mean, how can you trust that I’ll stay out here all night?</i> (S.L.)</p>
-----	--

На пляже рядом с домом Ронни обнаружилось черепашье гнездо, и она охраняла его по ночам от енотов. Уилл пришёл помочь ей, и Ронни восприняла это как возможность переночевать дома и не проводить с ним время наедине. Чтобы она не ушла, Уиллу пришлось прибегнуть к лёгкой невраждебной угрозе. Здесь угроза – лишь инструмент воздействия, а не желание вызвать у адресата отрицательные эмоции. Уилл уже успел в какой-то мер сблизиться с Ронни и понять, что она не оставит гнездо без присмотра. Чем короче социально-психологическая дистанция между коммуникантами, тем большим количеством рычагов воздействия они располагают. В данном речевом акте угроза вновь реализуется в форме вопроса, теперь уже специального.

2.4 Упрёк как субжанр не прямой речевой агрессии

2.4.1 Влияние факторов социального статуса и гендера на реализацию тактики упрёка

Проведём анализ влияния факторов социального статуса и гендера на

реализацию косвенного упрёка в речевом акте.

19.	Sam: Oh. Chris... You scared me. Chris: <i>I'm sorry, are you my secretary?</i> (U.D.)
-----	---

В данном примере упрёк замаскирован под общий вопрос. Крис застал Сэм в тот момент, когда она держала в руках его телефон, явно из любопытства. Крис не называет неприятное для него действие, лишь намекает на него вопросом. Извинение в начале высказывания усиливает иллокутивную силу упрёка (адресант противопоставляет свою вежливость бесцеремонному вторжению в его личную жизнь). Наличие тёплых дружеских отношений между ними не позволяет конфликту углубиться.

20.	RACHEL: We've all been cast in a local commercial. FINN: Are you serious? RACHEL: <i>Yes, Finn, and while all of you have been so concerned with your appearance in this school</i> , I've landed glee club its first big break. Simply put, making us all celebrities. Okay and no one messes with celebrities or defaces their pictures. (G.)
-----	---

В примере выше не прямой упрёк содержится в придаточном предложении времени. Финн должен был фотографироваться вместе с Рейчел для школьного альбома, но в последний момент струсил, потому что боялся, что это повредит его репутации. Сочетание *all of you* относится, разумеется, к Финну. Также девушка использует противопоставление *this school – first big break*, намекая, что мыслить исключительно в рамках школы – признак ограниченности.

21.	TERRI: Will! If I don't get some sleep, I could miscarry. WILL: I'm sorry, Terri. I'll be right in. (G.)
-----	---

В данном примере косвенный упрёк выражается с помощью сложноподчинённого предложения с условной придаточной частью. Терри не называет причину упрёка прямо, а лишь намекает на неё. Уилл понимает намёк (у него дома репетировала его группа, и из-за шума его жена не могла заснуть) и извиняется. Упрёк оказывается достаточно сильным, в нём даже присутствует некоторый элемент угрозы: жена Уилла знает, как трепетно он относится к их будущему ребёнку, поэтому решила использовать именно

этот аргумент при упрёке. Терри может позволить себе упрёк такой силы, так как они женаты и социально-психологическая дистанция между ними короткая; к тому же, из-за она чувствует, что обладает над мужем особой властью из-за своей беременности.

22.	<p>TRITTER: I know. Women don't give up guys that... they're in love with.</p> <p>CAMERON: I'm not in love with House.</p> <p>TRITTER: The guy is unhinged and unethical, does what he wants with no concern for others. But you stand by him.</p> <p>CAMERON: That can't just be loyalty and respect?</p> <p>TRITTER: No.</p> <p>CAMERON: <i>I'm a girl. So I must be in love with him.</i> (M.D.)</p>
-----	---

Иногда упрёк может быть направлен не только на конкретного адресата, но и на социальную группу, как в примере выше. Триттер утверждает, что доктор Кэмерон защищает Хауса лишь по той причине, что влюблена в него. Он отмечает её слова о том, что причина может быть в преданности и уважении, поэтому получает в ответ упрёк. Кэмерон считает, что он так уверен в её влюблённости в Хауса по единственной причине – её гендер. Она является единственным доктором женского пола в команде Хауса, поэтому, согласно общепринятому стереотипу, должна быть влюблена в него (употреблён модальный глагол *must*, самый «строгий» модальный глагол долженствования в английском языке). Как мы видим, упрёк Кэмерон направлен не только на Триттера, но и на некую группу людей, разделяющую представленный социальный стереотип. Косвенный упрёк здесь выражается посредством описания причинно-следственной связи, в которую сама коммуникантка не верит, но которую ей навязывают.

23.	<p>TRITTER: You don't have to testify he's broken any laws. Though I'm sure you could. Just how many pills he takes in a day. 'Cause I'm fairly confident I can prove that he didn't... have that many... legitimate prescriptions.</p> <p>FOREMAN: [cool] <i>You really hope no one dies while I'm sitting here and not talking to you?</i> (M.D.)</p>
-----	---

Ранее мы уже анализировали микродиалог с косвенной угрозой, в котором

участвовали данные коммуниканты. Теперь проанализируем, каким образом в диалоге между теми же коммуникантами функционирует тактика косвенного упрёка. Как мы можем заключить из примера выше, Форман игнорирует обращённую к нему реплику Триттера, что само по себе уже является достаточно агрессивным коммуникативным ходом. Косвенный упрёк также выражен с помощью сложноподчинённого предложения, в состав которого входит обстоятельственное придаточное времени: Форман упрекает Триттера в том, что тот отвлекает его от исполнения его прямых и крайне важных обязанностей, причём совершенно напрасно, так как он всё равно не собирается свидетельствовать против своего начальника. Намёк на чью-либо возможную смерть – это упрёк особой иллокутивной силы. Использование наречия-усилителя *really* и глагола *to hope* указывает на несостоятельность ожиданий адресанта. Отметим, что в начале разговора Триттер ещё старается держаться официально, сохраняя статусную дистанцию (*confident, legitimate prescriptions*), тогда как впоследствии, как мы уже выяснили, он попытается сократить эту дистанцию.

2.4.2 Влияние факторов возраста и социально-психологической дистанции на реализацию тактики упрёка

Проанализируем, каким образом факторы возраста и социально-психологической дистанции влияют на реализацию тактики упрёка.

24.	<p>“So you love volleyball, huh?”</p> <p>“It keeps me in shape.”</p> <p>“That doesn’t really answer the question.”</p> <p>“I enjoy it. I don’t know if I love it, though.”</p> <p>“But you do like crashing into people, right?” (S.L.)</p>
-----	---

Косвенный упрёк может относиться к действиям, которые адресат совершил в прошлом, так как адресант до сих пор зол или обижен на него, т.е. конфликт не исчерпан. Уилл рассказывает Ронни о своём увлечении волейболом, она же переводит разговор на другую тему, напоминая ему о случае, когда он бежал за мячом и врезался в неё. Девушка использует

вспомогательный глагол *do* для увеличения иллокутивной силы упрёка. Используя обобщение (*like crashing into people*), Ронни, во-первых, косвенно называет себя, во-вторых, намекает на то, что это его постоянное качество, а не единичный случай. Подобные намёки, когда называется действие, но не пострадавшее лицо, возможны лишь между симпатизирующими друг другу людьми, иначе такой упрёк может нести особый ликоповреждающий характер.

2.5 Дружеское подшучивание как субжанр не прямой речевой агрессии

2.5.1 Влияние факторов социального статуса и гендера на реализацию тактики дружеского подшучивания

Рассмотрим тактику дружеского подшучивания и влияющие на её реализацию факторы социального статуса и гендера.

25.	<p>“Call me Blaze.”</p> <p>“Blaze?”</p> <p>“My real name’s Galadriel. It’s from Lord of the Rings. My mom’s weird like that.”</p> <p>“At least she didn’t name you Gollum.”</p> <p>“Or Ronnie.” (S.L.)</p>
-----	--

Как мы видим из примера выше, агрессия действительно может быть не только ядовитой и враждебной, но и дружеской и беззлобной. Одна из девушек объясняет, почему предпочитает, чтобы её называли Блейз: её мама дала ей странное длинное имя из «Властелина колец» - Галадриэль. Её собеседница, Ронни, пошутив, что её могли бы назвать Голлумом (имя одного из отрицательных персонажей произведения), получает в ответ лёгкую колкость: «Или Ронни» (намёк на то, что это далеко не самый блестящий выбор имени). При знакомстве людям с высоким уровнем интеллекта свойственно демонстрировать остроумие, что обычно создаёт дружелюбную коммуникативную атмосферу, особенно в условиях статусного равенства. Именно это мы и наблюдаем в примере выше.

26.	<p>“I wouldn’t have wanted to come here either,” Blaze agreed. “Trust me. It’s boring.”</p> <p>“How long have you lived here?”</p>
-----	--

	“Just my whole life. <i>But at least I’m dressed okay.</i> ” (S.L.)
--	---

В продолжение диалога Блейз не перестаёт поддразнивать Ронни, правда, уже переходя на внешность. В примере выше мы видим, что Блейз обращает внимание уже на то, как Ронни одета. В данном случае на речевое поведение девушки влияет в основном фактор гендера. Критика внешнего вида в диалоге между женщинами достаточно типична для английской речи. Использование высказывания с использованием сочетания *at least* можно трактовать как параллелизм: в предыдущем примере Ронни использовала ту же синтаксическую структуру. *At least* – это намёк на Ронни и на то, что одета она не лучшим образом. Параллелизм в данном примере используется для усиления эффекта, производимого дружеским подшучиванием.

27.	And on weekends, we get to go mudding.” “Mudding?” “We drive our trucks in the mud.” Ronnie faked a dreamy expression. “ <i>That sounds so... intellectual.</i> ” (S.L.)
-----	---

Как мы уже поняли из разобранных выше примеров, тактика дружеского подшучивания может быть реализована с помощью тех же средств, что и тактика колкости. Первая тактика отличается от второй тем, что не нацелена на то, чтобы вызвать негативное состояние у адресата. В данном примере Ронни подшучивает над одним из увлечений Уилла – ездой в грузовиках по грязи. Это становится ясно из авторского текста (*faked a dreamy expression*) и многоточием на месте паузы перед словом *intellectual*. Сам выбор слова *intellectual* не соотносится с хобби Уилла, и становится ясно, что девушка шутит. Она шутливо намекает на небольшой уровень его интеллекта, невольно ставя себя выше него в этом отношении (статусно), так как уровень интеллекта часто связан с социальным положением.

2.5.2 Влияние факторов возраста и социально-психологической дистанции на реализацию тактики дружеского подшучивания

Рассмотрим, каким образом функционирует тактика дружеского подшучивания под влиянием таких факторов, как возраст и социально-

психологической дистанции.

28.	<p>“So get this. There was this guy named Ray Kroc and he started this company called McDonald’s. Ever heard of it? Anyway, on his original hamburger-in many ways the original American hamburger, mind you-he insisted that ketchup be added. Which should tell you how important it is to the overall taste.”</p> <p><i>“Keep talking. You’re just so fascinating. I’m going to get something to drink.” (S.L.)</i></p>
-----	--

Скотт разговаривает с Уиллом на тему, которая совершенно не интересует последнего. Учитывая близкий характер их дружеских отношений, Уилл позволяет себе подшутить над ним, потому что знает, что друг не обидится. Реализация подшучивания заключается в использовании формальных признаков других субжанров не прямой речевой агрессии. Например, в данном случае используются средства, обычно реализуемые в рамках тактики насмешки (маскировка под высказывание, побуждающее продолжать рассказ) и колкости (ложный комплимент). Отойти куда-то непосредственно во время беседы также считается дурным тоном, но и здесь фактор социально-психологической дистанции нейтрализует подобные формальности.

29.	<p>[BURT is drilling something. KURT walks in]</p> <p>KURT: Hey, dad. What are you doing?</p> <p>BURT: <i>I’m making biscuits. What does it look like I’m doing?</i> (G.)</p>
-----	---

В данной коммуникативной ситуации отец Курта реагирует на формальную сторону вопроса, так как не видит смысла отвечать на вопрос, на который его сын уже знает ответ, потому что он сейчас рядом с ним в комнате и видит, чем тот занят (поэтому Бёрт отвечает вопросом на вопрос – интересуется мнением другого участника речевого акта). Чтобы подшутить над сыном, отец говорит ему, что печёт печенье. На самом деле, Курт имел в виду, с какой целью его отец сверлит дырку, и вместо конкретного, уточняющего вопроса задал специальный вопрос с широким полем толкования. Между собеседниками произошла коммуникативная неудача, на основе чего и появилось дружеское подшучивание. Подобные подшучивания достаточно часто реализуются между близкими людьми, особенно в семейных

отношениях.

30.	Sam: It's so beautiful in the day, but at night it just feels menacing, like a sleeping giant. Chris: <i>You gonna publish?</i> Sam: What? Chris: <i>Your pretty poem. "The Sleeping Giant of Blackwood Forest".</i> Sam: Oh shut up. (U.D.)
-----	--

Романтичность, свойственная девушкам, подтолкнула Сэм на порождение поэтичного высказывания, над чем и подшучивает Крис. Увлечённая созерцанием пейзажа, девушка не сразу понимает, что над ней подшучивают. Она произносит высказывание, скорее всего, невольно, для себя, что не было рассчитано на посторонних бестактных слушателей. Использование прилагательного *pretty* и придуманное Крисом название гипотетической поэмы Сэм позволяют первому реализовать дружеское подшучивание. Учитывая тот факт, что это разговор между друзьями-подростками, в их высказываниях присутствуют разговорные единицы (сокращение *gonna*, фразовый глагол *to shut up*).

Выводы по главе 2

1. Колкость и насмешка – наиболее распространённые формы проявления не прямой речевой агрессии в английском диалоге.
2. В большей степени на специфику проявления не прямой вербальной агрессии влияют факторы гендера и социального статуса, тогда как факторы возраста и социально-психологической дистанции – в меньшей степени.
3. Колкость обычно используется коммуникантами со статусным превосходством (например, по критерию образования, служебного положения), чтобы подчеркнуть его.
4. Если оба коммуниканта обладают высоким социальным статусом (по одному критерию или разным), социальный вектор будет изменяться и коммуникативная инициатива будет переходить от одного коммуниканта к другому.

5. Аккумуляция актов проявления косвенной вербальной агрессии превращает речевой акт в вербальную дуэль.
6. При проявлении не прямой речевой агрессии женщинам свойственно использовать эмоционально окрашенную лексику, зооморфизмы, демонстрировать притворную любезность и т.д.
7. Языковая игра – одно из средств реализации насмешки в английской речи.
8. При реализации не прямой речевой агрессии значение могут иметь экстралингвистические факторы и невербальные средства, которые обычно описываются либо в авторском тексте, либо с помощью ремарок.
9. В реализации намёка, который используется в субжанрах колкости, угрозы и упрёка, важную роль играет наличие у коммуникантов общего пресуппозиционного фонда.
10. Угроза может быть реализована за счёт косвенного привлечения к двустороннему конфликту других людей.
11. Фактор возраста в основном проявляет себя через использование коммуникантами определённых пластов лексики, например, жаргона, что свойственно молодёжи.
12. Косвенный упрёк чаще всего реализуется с помощью сложноподчинённых и вопросительных предложений. Упрёк может быть направлен не только на конкретного адресата, но и на социальные стереотипы, которых он придерживается.
13. В рамках внутрижанровой тактики дружеского подшучивания используются такие средства, как ирония и намёк.

Заключение

В рамках представленного исследования мы рассмотрели проблему влияния лингвоперсонологических факторов на проявление коммуникантами косвенной речевой агрессии в английском диалоге, при этом основное внимание уделялось анализу коммуникативной ситуации и средств, с помощью которых выражалась непрямая речевая агрессия.

В теоретической части данной работы мы выяснили, что на выбор речевых тактик и стратегий не прямой вербальной агрессии, как и на выбор языковых средств для их реализации, влияют характеристики языковой личности, в первую очередь гендер и социальный статус. Наиболее распространёнными тактиками косвенной вербальной агрессии являются колкость и насмешка.

В исследовательской части данной работы был проведён анализ микродиалогов с целью выявления различий в выражении косвенной речевой агрессии с точки зрения лингвоперсонологических факторов. Примеры, выбранные в ходе исследования, позволили детально рассмотреть различные варианты проявления не прямой речевой агрессии в английском диалоге. В процессе анализа было установлено, что лингвоперсонологические факторы влияют на речевое поведение в совокупности, но можно выделить факторы, доминантные на момент речи.

Как показывают результаты настоящего исследования, в речевом акте не прямой вербальной агрессии происходит комплексное взаимодействие языковых средств различных уровней языка. На выбор этих языковых средств в большей или меньшей степени влияют различные лингвоперсонологические факторы. Характеристики языковой личности коммуниканта влияют также на выбор тактик косвенной речевой агрессии.

Литература

1. Богданов В. В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. – Л.: изд-во ЛГУ, 1990. – 88 с.
2. Вайсгербер, Й. Л. Родной язык и формирование духа. – М.: Либроком, 2009. – 232 с.
3. Виноградов В. В. О художественной прозе. – М.: Наука, 1930. – 186 с.
4. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М.: Наука, 1993. – 172 с.
5. Воронцова Т.А. О некоторых теоретических аспектах понятия «речевая агрессия» // Речевая агрессия в современной культуре. – Челябинск, 2005. – 252 с.
6. Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Просвещение, 1973. – с. 74-82.
7. Горошко Е. И. Гендерная проблематика в языкознании // [Электронный ресурс] URL: <http://www.owl.ru/win/books/articles/goroshko.htm>
8. Грайс П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. – М.: 1985.
9. Гуцал Н. А. Основные семантические, социо-прагматические и дискурсивные характеристики вызова // Вестник Ставропольского государственного ун-та № 51 (2007). – Ставрополь, 2007. – с. 173-177.
10. Давыдова Т. А. Роль упрека в межличностном общении // Международная научно-практическая конференция МК-1-07. – Астрахань: АГУ, 2007. – с. 26-28.
11. Дейк ван, Т. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. ван Дейк. – М., Прогресс, 1989. – 321 с.
12. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. – М.: Гнозис, 2006. – 560 с.
13. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и её жанры. – Саратов: Колледж, 2000. – 236 с.

14. Дементьев В. В., Седов К. Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров: учеб. пособие. – Саратов, изд-во Саратовского педагогического инст-та, 1998. – 107 с.
15. Егорова М.А. Преднамеренная грубость как объект социопрагматического анализа // Социальная власть языка. – Воронеж, 2001. – с. 188-193.
16. Жигайкова Е.А. Английская женская речь. – автореф. дисс. канд. филол. наук. – М., 2004 // [Электронный ресурс] URL: <http://cheloveknauka.com/angliyskaya-zhenskaya-rech>
17. Иванцова Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского гос. ун-та № 4(12), 2010. – Томск, 2010. – с. 24-32.
18. Иссерс О. С. «Посмотрите, на кого он похож!» (к вопросу о речевых тактиках дискредитации) // Вестник Омского гос. ун-та № 3 (1997). – Омск, 1997. – с. 81-84.
19. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
20. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения. – М.: Наука, 1987. – 256 с.
21. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – М.: изд-во инст-та социологии РАН, 1999. – 180 с.
22. Колосова Т. Ю. Лингвопрагматические параметры шутливого общения (на материале английского языка) // ACTA LINGUISTICA, Vol. 6 (2012), 1. – с. 87-91.
23. Кондрашова В.Н. Языковая реализация тактик колкости и насмешки в английском диалоге // Материалы XXXVI международной филологической конференции. – Вып. 11. – Спб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2007.

24. Кондрашова В. Н., Пospelова А. Г. Способы реализации косвенной угрозы в английском дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики, т. 78, вып. 12, ч. 2. – СПб., 2017. – с. 118-122.
25. Кондрашова Е.А., Иванова Ю.В., Соколова А.С. Языковая личность и речевые жанры // Стратегии и практики коммуникации в современном обществе. – Саратов, 2004.
26. Кожухова И. В. Самоупреки в английском языке: форма и функционирование // Вестник Челябинского гос. ун-та № 7(336), 2014. – Челябинск, 2014. – с. 30-34.
27. Кыштымова Т. В. Понятие «языковая личность» в современной лингвистике // Вестник ЧГПУ № 6 (Филология и искусствоведение), 2014. – с. 237-244.
28. Лазебная И.Б. Особенности выражения речевой агрессии в современном английском языке. – дисс. канд. филол. наук. – Белгород, 2007. – 186 с.
29. Лихачева Т. С., Заворуева Л. А., Герасимова А. В. Вербальная агрессия: способы ее предотвращения и преодоления последствий (на материале английского языка) // Грамота (Филологические науки. Вопросы теории и практики) № 3(69), ч. 3. – Тамбов: Грамота, 2017. – с. 125-127.
30. Паремюзашвили Э.Э. Речевая агрессия в не прямой коммуникации. – дисс. канд. филол. наук. – М., 2013. – 170 с.
31. Пospelова А. Г. Косвенные высказывания // Спорные вопросы английской грамматики. – Л., 1998. – с. 143-144.
32. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – К.: Ваклер; М.: Рефл-бук, 2001. – 656 с.
33. Прохоров Е. Ю. Действительность. Текст. Дискурс. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 224 с.
34. Сидоров Е.В. Общая теория речевой коммуникации: учеб. пособие. М.: Изд-во РГСУ, 2010. – 244 с.

35. Сидоров Е.В. Речевая коммуникация: фундаментальные необходимости. Монография. – М.: Изд-во РГСУ, 2010. – 154 с.
36. Седов К.Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «ссора», «комплимент», «колкость» // Жанры речи. – Саратов, 1997. – с. 188-195.
37. Седов К.Ф. Речевая агрессия в повседневной коммуникации // Речевая агрессия в современной культуре. – Челябинск, 2005. – с. 32-37.
38. Сёрль Дж. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М., 1986. – С. 151-169.
39. Стернин И. А. Очерк английского коммуникативного поведения: науч. изд. / И. А. Стернин, Т. В. Ларина, М. А. Стернина. – Воронеж, 2003. – 185 с.
40. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М.: Русский язык, 2002. – 216 с.
41. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. – М.: ИКАР, 2007. – 480 с.
42. Формановская Н.И. Культура общения и речевого поведения: 3-е изд. – М.: Издательство ИКАР, 2017. – 238 с.
43. Чеботникова Т. А. Речевое поведение как один из способов актуализации личности // Вестник Челябинского гос. ун-та (Филология. Искусствоведение. Вып. 59) № 28(243). – Челябинск, 2011. – с. 138-143.
44. Шаронов И.А. Приёмы речевой агрессии: насмешка и ирония // Агрессия в языке и речи. – М.: РГГУ, 2004. – с. 38-53.
45. Шаховский В.И. Эмоция как межкультурный референт // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах. – Пятигорск, 2002. – с. 92-94.
46. Шпильная Н.Н. Языковая картина мира в структуре речемыслительной деятельности языковой личности. – 2-е изд. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 152 с.
47. Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. – М.: КомКнига, 2006. – 360 с.

48. Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Вып. 2 / под ред. Н. Голева, Н. Мельник, С. Оленёва. – М.: Ленанд, 2016. – 432 с.
49. Brown, P. Universals in language usage: Politeness phenomena Text. /P. Brown, S. C. Levinson // Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction / ed. by E. Goody. Cambridge, 1978, - P. 56-324.
50. Fish K., Rothermich K., Pell M. D. The sound of (in)sincerity // Journal of Pragmatics 121 (2017). – pp. 147-161.
51. Green G. M. How to Get People to Do Things with Words: The Whimperative Question //Syntax and Semantics. NY: Academic Press, 1975. – Vol. 3. – P. 107-141.
52. Haverkate H. Impositive Sentences in Spanish: Theory and Description in Linguistic Pragmatics. – Elsevier Science Ltd, 1979. – 202 p. – (Linguistic Series: Volume 42)
53. Lakoff R. Language and woman's place. – New York: Harper & Row, 1975. – 328 p.
54. Leech, G. N. Explorations in Semantics and Pragmatics Text. / G. N. Leech // Pragmatics and beyond. 1980. - № 5. - P. 85-116
55. Leech G., Larina T. Politeness: West and East // Вести. РУДН. Серия: Лингвистика. 2014. №4. С. 9-34.
56. Tannen D. You Just Don't Understand. – New York: Ballantine, 1990. – 330 p.
57. Van Dijk, Teun A. Cognitive context models and discourse // Language Structure, Discourse and the Access to Consciousness. – Amsterdam: Benjamins, 1997. – Pp. 189-226

Словари

1. Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus <https://dictionary.cambridge.org/>

Список сокращения источников

S.L. – Nicholas Sparks “The Last Song”. Published September 8th 2009 by Grand Central Publishing. 390 p.

M.S. – Jojo Moyes “The Ship of Brides”. Published 2005. 482 p.

L.G. – Hugh Laurie “The Gun Seller”. Published October 1st 1998 by Washington Square Press. 340 p.

G. – “Glee”. TV series (2009-2015)

B. – “Bones”. TV series (2005-2017)

S. – “Scrubs”. TV series (2001-2010)

M.D. – “House, M.D.”. TV series (2004-2012)

I.T. – “I, Tonya”. Film (2017)

U.D. – “Until Dawn”. Computer video game (2015)